

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

СИМОНА
БОВУАР

МАРКИЗ
ДЕ САД

УТОПИЯ
ЗЛА

ЖОРЖ
БАТАЙ

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2024

УДК 1(091)
ББК 87.2
Б 72

Симона де Бовуар (Simone de Beauvoir)

Б 72 Маркиз де Сад. Утопия зла / Бовуар С. де, Ж. Батай. – М.: Родина, 2024. – 240 с.: илл – (Философский поединок).

ISBN 978-5-00222-410-4

«Сад заслуживает внимания не как сексуальный извращенец: здесь он не изобрел ничего нового, в учебниках психиатрии описаны не менее интересные случаи. Его отклонения от нормы приобретают ценность, когда он разрабатывает сложную систему их оправдания, – писала Симона де Бовуар, французская писательница, представительница экзистенциальной философии. В этом акте заключено стремление преодолеть свою отделенность от людей. Именно поэтому судьба Сада и творчество приобретают глубокий общечеловеческий смысл. Можем ли мы существовать в обществе, не жертвуя своей индивидуальностью?»

Так же считал другой известный французский философ Жорж Батай, который занимался осмыслением иррациональных сторон общественной жизни: кощунства, искушения злом, саморазрушительного эротического опыта. Исследования Симоны де Бовуар и Жоржа Батая дополнены в этой книге произведениями еще нескольких французских философов, позволяющих с разных точек зрения оценить творческое наследие маркиза де Сада.

**УДК 1(091)
ББК 87.2**

© Бовуар С. де, Батай Ж., 2024
© Перевод с французского Козлова С.,
Денисова Ю., Лапицкого В., Генниса Г.,
Рыклина М., Кротовской Н.,
Москвиной-Тархановой И. и др., 2024

ISBN 978-5-00222-410-4 © ООО «Издательство Родина», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	6
<i>Симона де Бовуар. Иллюзия соединения</i>	14
<i>Жорж Батай. Сердцевина порока</i>	58
<i>Морис Бланшо. Маркиз де Сад</i>	101
<i>Ролан Барт. Садическое пространство</i>	152
<i>Альбер Камю. Аристократия цинизма</i>	182
<i>Пьер Клоссовски. Утопия зла</i>	198
Приложение	223

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Трудно найти лучший пролог к соображениям, которые мы собираемся высказать, чем эти строки, в которых также с поразительной точностью дается описание лица, страдающего алголагией:

«Он был одержим жестокой склонностью, неотразимой манией, выражавшейся не только в том, чтобы безжалостно секли его самого, но и в стремлении сечь других самому. Тратя непомерные деньги на оплату тех, у кого доставало мужества и услужливости отдать себя во власть этой страсти, он, увы! находил мало желающих, будучи весьма разборчивым в выборе партнеров, хотевших подвергнуться вместе с ним столь жестокому испытанию.

Это был ярко выраженный блондин хрупкого телосложения. По причине полноты и округлости его фигуры на вид я дала бы ему двадцать лет, хотя на самом деле ему было на три года больше. Круглое, полное, свежее лицо делало бы его вылитым Вакхом, если бы не некоторая суровость, даже жесткость, совершенно не согласовавшаяся со строением его лица, которая приходила на смену жизнерадостности, необходимой для полного схождения.

Он сел со мной рядом, и его лицо сразу же приняло выражение кротости и добродушия тем более замечательное, что перемена эта произошла почти мгновенно. Позднее, когда я лучше узнала его характер, я поняла, что своим существованием такое изменение обязано обычному для него состоянию конфликта с самим собой, неловкости, которую он испытывал из-за того, что был рабом столь стран-

ной склонности, связанной с его конституцией, склонности, которая делала его неспособным к удовольствию, если он предварительно не прибег к необычным и болезненным средствам доставить его себе».

Прежде чем перейти к рассказу о бичевании Розы Келлер и к марсельской оргии, нам представляется полезным для просвещения недостаточно осведомленного читателя набросать картину основных влечений, которым следовал наш герой во время этих событий.

Предлагаемые здесь беглые наблюдения должны послужить основанием для более подробных изысканий, относящихся к жизни де Сада и к анализу его главных произведений, прежде всего «120 дней Содома», «Новой Жюстины» и «Жюльетты», т. е. сочинений, где создатель нового поэтического мира оспаривает авторство у гениального клинициста, предвосхитившего будущие открытия.

* * *

Прежде чем рассуждать о садизме, нужно уяснить себе, что в силу амбивалентности инстинктов, подтверждаемой психоанализом, этот психоневроз всегда встречается в сопровождении своей неотъемлемой противоположности, мазохизма. Подобное сосуществование может показаться удивительным лишь на первый взгляд. В садизме, равно как и в мазохизме, речь, говоря несколько упрощенно, идет о реальной или символической связи жестокости с любовным наслаждением. Проявляем ли мы сами жестокость в отношении любимой женщины или эта женщина ведет себя жестоко по отношению к нам — желаемый результат в обоих случаях одинаков. Единственное различие носит, так сказать, чисто технический характер, так как во втором случае сам субъект становится объектом [жестокости].

В некоторых случаях подобный переход от активного к пассивному или наоборот совершается без какого-либо эмоционального переключения, и соединение этих двух противоположностей оказывается столь тесным, что дает Фрейдю основание утверждать, что подобная инверсия никогда не вызывает «полного потрясения инстинктов», так что изначальный импульс в той или иной мере сосуществует с производным, «даже в тех случаях, когда процесс трансформации был очень интенсивным». Непостижимый для человека непосвященного, этот феномен не представляет никакой тайны для того, кто постиг поразительную пластичность человеческой души, находящейся под воздействием страсти.

За сто лет до того, как Шренк-Нотцингом был введен термин алголагния (от двух греческих слов: *αλγος* — боль, *λαγνεια* — соитие), соединивший в одном слове понятие причиняемой другому и причиненной себе самому боли, необходимой для получения полового удовлетворения, в романах де Сада не было ни одного героя — как мужского, так и женского пола (за исключением Жюстины, о чем речь пойдет дальше), — который не демонстрировал бы своим поведением неизменное соединение садизма и мазохизма. Все эти Нуарсеи, Сен-Фоны, Жюльетты и Клервиль ищут в пассивном бичевании как таковом повод для сладострастия, редко сопровождающегося физиологическим удовлетворением.

При всей их жестокости эти персонажи в изобилии снабжают нас примерами самых разных форм мазохистского поведения. Раскрыв наугад том «Жюльетты», мы сразу же наталкиваемся на два следующих эпизода: Сен-Фон просит Жюльетту душить его, в то время, как он совершает акт содомии с Пальмирой; несколько дальше та же Жюльетта обращается к Делькуру, нантскому палачу, со следую-

Маркиз де Сад.
Возможный портрет в двадцатилетнем возрасте.

щими словами: «Прошу вас, бейте меня, оскорбляйте меня, секите меня». А когда тот производит над ней все эти жестокости, Жюльетта восклицает: «О, Делькур, божественный разрушитель человечества, обожаемый Делькур, которого я принесу в жертву наслаждению, сильнее охаживай твою потаскуху, оставляй на ней следы твоих ногтей, она жаждет этих отметин. От одной мысли, что я истекаю кровью от твоих ударов, у меня голова идет кругом; о, мой милый, только не щади меня...».

Только в случае Жюстины мы не вправе констатировать, что одно ответвление алголагнии дано в сочетании со своей противоположностью. Ее отличительной чертой, на первый взгляд, является мазохизм, моральный, или, как называет его Фрейд, «прирожденный» мазохизм, проявляющийся в невротическом влечении ко всему, что может оказаться для нее фатальным. Но, по размышлению зрелом, у нас нет оснований говорить даже о теоретическом мазохизме этой героини по той простой причине, что Жюстина (случай исключительный для протагонистов романов де Сада) практически лишена какой-либо психологической убедительности если не в каждом из своих поступков в отдельности, то в их совокупности.

Жюстина представляет собой абстрактную конструкцию; видимо, она была вызвана к жизни ее автором с одной единственной целью: доказать свое пессимистическое воззрение на последствия добродетели. Надо сказать, что Жюльетта, главная героиня романа, переворачивающего основной тезис «Жюстины, или несчастий добродетели» и названного «Преуспеванием порока», отнюдь не подверглась психологическому удушению, которое превратило ее младшую сестру в настоящую марионетку, почему-то помещенную маркизом в общество живых существ.